Лакки Старр и большое солнце Меркурия

Автор:
Айзек Азимов

Лакки Старр и большое солнце Меркурия

Айзек Азимов

Лакки Старр #4

Дэвид «Лакки» Старр, самый молодой член Совета Науки, и Джон «Верзила» Джонс отправляются на Меркурий. На солнечной стороне планеты героям предстоит расследовать, что происходит с проектом местной обсерватории «Свет». Что за диверсии мешают ученым покорить Вселенную?

Айзек Азимов

Лакки Старр и большое солнце Меркурия

Isaac Asimov

LUCKY STARR AND THE BIG SUN OF MERCURY

© Д. Арсеньев, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Робин Джоан, самому лучшему препятствию

От автора

Эта книга была впервые опубликована в 1956 году, и описание поверхности Меркурия соответствует астрономическим представлениям того времени.

Однако с 1956 года знания о ближайших к Солнцу планетах значительно обогатились благодаря использованию радаров и ракет.

В 1956 году считалось, что Меркурий одной стороной всегда обращен к Солнцу, так что одна его сторона всегда освещена, а другая находится в постоянной тьме, и есть пограничный район, иногда освещаемый Солнцем, иногда нет.

Однако в 1965 году астрономы изучили отражения радарного луча от поверхности Меркурия и, к своему удивлению, установили, что это не так. Меркурий обращается вокруг Солнца за 88 дней, а вокруг своей оси поворачивается за 59 дней. Это значит, что вся поверхность Меркурия в то или иное время освещается Солнцем и «темной стороны» вообще нет.

Надеюсь, читателям все равно понравится книга, но не хотел бы, чтобы они воспринимали как соответствующие действительности представления, которые в 1956 году считались истинными, но к нашему времени устарели.

Айзек Азимов.

Ноябрь 1970 г.

Глава 1. Солнечные призраки

Счастливчик Старр и его маленький друг Джон Верзила Джонс вслед за молодым инженером поднялись к шлюзу, ведущему на поверхность планеты Меркурий.

Дэвид подумал: «По крайней мере события развиваются быстро».

Он всего час находился на Меркурии. Успел лишь проверить, благополучно ли доставлен его корабль «Метеор» в ангар под поверхностью. И встречался только с техниками, осуществлявшими посадку и все связанные с ней бюрократические процедуры, и инженером Скоттом Майндсом, возглавлявшим проект «Свет». Молодой человек как будто поджидал их. И почти сразу предложил подняться на поверхность.

Показать местные виды, как он объяснил.

Старр, конечно, в это не поверил. Лицо инженера с маленьким подбородком осунулось, рот дергался, когда он говорил. Он отводил взгляд от холодных, внимательных глаз Дэвида.

Но Старр согласился подняться на поверхность. Пока что он знал только, что неприятности на Меркурии представляют для Совета Науки щекотливую проблему. И он готов был идти с Майндсом и смотреть все, что тот покажет.

Что касается Верзилы Джонса, то он согласен был идти за Счастливчиком всегда и всюду, по любой причине и вообще без причины.

Но именно брови Верзилы взлетели вверх, когда они втроем облачались в скафандры. Он почти незаметно кивнул в сторону кобуры, прикрепленной к скафандру Майндса.

Дэвид спокойно кивнул в ответ. Он тоже заметил, что из кобуры высовывается рукоять тяжелого бластера.

Молодой инженер первым вышел на поверхность планеты. Старр за ним, последним шел Верзила.

На мгновение они потеряли друг друга в почти абсолютной тьме. Только звезды были видны, яркие и жесткие в холодной безвоздушности.

Верзила первым пришел в себя. Тяготение на Меркурии почти точно такое же, как на его родном Марсе. Марсианские ночи почти так же темны. Звезды на ночном небе почти такие же яркие.

Его дискант отчетливо прозвучал в приемниках:

– Эй, я начинаю кое-что различать!

Дэвид тоже что-то увидел, и это его удивило. Конечно, звездный свет не может быть так ярок. Беспорядочный ландшафт подернулся какой-то слабой светящейся дымкой, она окутывала острые утесы размытой молочностью.

Нечто подобное Счастливчик видел на Луне во время двухнедельной ночи. Ландшафт там тоже беспорядочный, голый и разбитый. Никогда за миллионы лет ни здесь, на Меркурии, ни на Луне не было смягчающего прикосновения ветра или дождя. Холодные голые скалы лежат без клочка изморози в безводном мире.

И в лунной ночи тоже была эта молочность. Но на Луне есть по крайней мере свет Земли. Полная Земля светит в шестнадцать раз ярче полной Луны, видимой с Земли.

Здесь, на Меркурии, в районе Солнечной обсерватории у Северного полюса, нет поблизости ни одной планеты, которая давала бы освещение.

– Это звездный свет? – спросил Старр наконец, зная, что это не так.

Скотт Майндс устало ответил:

– Свечение короны.

– Великая Галактика! – с легким смешком сказал Старр. – Корона! Мне следовало знать!

– Что знать? – воскликнул Верзила. – Что происходит? Эй, Майндс, объясните!

Майндс ответил:

– Повернитесь. Вы стоите к ней спиной.

Все повернулись. Дэвид негромко свистнул, Верзила завопил от удивления. Майндс молчал.

Часть горизонта резко выделялась на жемчужном фоне неба. Каждая заостренная неровность этой части горизонта оказалась в фокусе. А над горизонтом небо мягко светилось (с высотой это сияние исчезало). Свечение состояло из ярких, изгибающихся, бледных лучей.

– Это солнечная корона, мистер Джонс, – сказал Майндс.

Даже в изумлении Верзила не забыл о своем распределении приоритетов. Он проворчал:

– Зовите меня Верзилой. – И добавил: – Корона вокруг Солнца? Я не знал, что она такая большая.

– Больше миллиона миль, – ответил Майндс, – и мы на Меркурии, самой близкой к Солнцу планете. Сейчас мы в тридцати миллионах миль от Солнца. Вы ведь с Марса?

– Родился и вырос.

– Ну, если бы вы могли взглянуть сейчас на Солнце, оно было бы в тридцать шесть раз больше, чем на Марсе. И в тридцать шесть раз ярче.

Старр кивнул. Здесь Солнце и корона в девять раз больше, чем на Земле. С Земли корону можно увидеть только во время полного затмения.

Ну что ж, пока слова Майндса соответствовали истине. Есть на что посмотреть на Меркурии. Счастливчик попытался представить себе корону полностью, увидеть Солнце, которое сейчас за горизонтом, окруженное ею. Должно быть, величественное зрелище!

Майндс продолжал с горечью в голосе:

– Этот свет называют «белым призраком Солнца».

Дэвид заметил:

– Мне нравится. Хорошее выражение.

– Хорошее? – переспросил Майндс. – Не думаю. Слишком много разговоров о призраках на этой планете. Эта планета – сплошное несчастье. Все идет не так, как следует. Неудача с шахтами… – Он смолк.

Старр подумал: «Пусть выговорится».

А вслух сказал:

– Где то, что мы вышли посмотреть?

– О да. Нам придется немного пройтись. Недалеко, учитывая тяготение, но следите за поверхностью. Тут у нас нет дорог, а свет короны обманчив. Предлагаю зажечь фонари на шлемах.

При этом он щелкнул, и столб света ударил с его шлема, выше лицевой пластины, превратив поверхность в лоскутное желто-черное одеяло. Вспыхнули еще два фонаря, и три фигуры двинулись, тяжело ступая ботинками с толстыми изолирующими подошвами. В вакууме они не издавали ни звука, но каждый ощущал легкую вибрацию.

Майндс на ходу продолжал вслух размышлять о планете. Он сказал низким напряженным голосом:

– Ненавижу Меркурий. Я здесь шесть месяцев, два меркурианских года, и меня тошнит от него. Я не думал, что и половину этого срока пробуду, но вот уже шесть месяцев, а ничего не сделано. Ничего. Все тут неправильно. Самая маленькая планета. Самая близкая к Солнцу. Только одна сторона обращена к Солнцу. Вон там, – он указал на свечение короны, – солнечная сторона, там так жарко, что плавится свинец и закипает сера. А вон там, – рука дернулась в

противоположном направлении, – единственная в системе поверхность, которая никогда не видит Солнца. Все здесь жалкое и ничтожное.

Он замолчал, чтобы перепрыгнуть через мелкую, шести футов шириной щель, напоминание о каком-то древнем меркуротрясении, шрам, который в отсутствие ветра и дождей так и не смог залечиться. Прыгнул он неуклюже – землянин, который и на Меркурии большую часть времени проводит при земном тяготении под Куполом обсерватории.

Увидев это, Верзила неодобрительно щелкнул языком. Они со Счастливчиком преодолели трещину, едва заметно увеличив шаг.

Спустя четверть мили Майндс неожиданно сказал:

– Можно увидеть отсюда, мы как раз вовремя.

Он остановился, наклонился вперед, замахал руками, восстанавливая равновесие. Верзила и Старр остановились с небольшим подскоком, разбросав немного камней.

Майндс выключил свой фонарь и указал куда-то рукой. Дэвид и Верзила тоже выключили фонари и увидели в темноте, там, куда указывал Майндс, белое пятно неправильной формы.

Яркое пятно, ярче любого рассвета на Земле.

– Отсюда лучше всего смотреть, – сказал Майндс. – Это вершина Черно-Белых гор.

– Они так называются? – спросил Верзила.

– Да. Видите почему? Горы находятся вблизи ночной стороны терминатора – это граница между темной и солнечной сторонами.

– Я это знаю, – негодующе сказал Верзила. – Вы думаете, я невежда?

– Просто объясняю. Есть небольшой район вокруг Северного полюса и другой – вокруг Южного, тут терминатор почти не сдвигается при вращении Меркурия вокруг Солнца. Ближе к экватору терминатор перемещается за сорок четыре дня на семьсот миль в одном направлении, потом в следующие сорок четыре дня назад на семьсот миль. Тут он передвигается всего на полмили, поэтому здесь подходящее место для обсерватории. Тут Солнце и звезды остаются на месте. Черно-Белые горы так расположены, что освещаются только наполовину. Когда Солнце уходит, свет ползет по их склонам вверх.

– А теперь, – прервал его Старр, – освещена только вершина.

– На один-два фута, да и это скоро исчезнет. Один-два земных дня будет темно, потом свет снова появится.

Пока он это говорил, белое пятно уменьшилось, превратилось в точку, горящую, как яркая звезда.

Трое людей ждали.

– Отведите взгляд, – посоветовал Майндс, – чтобы глаза привыкли к темноте.

Через несколько долгих минут он сказал:

– Хорошо, посмотрите снова.

Счастливчик и Верзила послушались и в первое мгновение ничего не увидели.

А потом ландшафт будто залило кровью. Часть его во всяком случае. Сначала появилось ощущение красноты. Потом стало возможно разглядеть вздымающиеся ввысь горы. Вершины казались ярко-красными, краснота сгущалась, темнела и постепенно внизу переходила в черноту.

– Что это? – спросил Верзила.

– Солнце только что село так низко, – ответил Майндс, – что над горизонтом видны только корона и протуберанцы. Протуберанцы – это потоки водорода, которые на тысячи миль поднимаются над поверхностью Солнца; они ярко-

красного цвета. Они всегда присутствуют, но обычно не видны из-за Солнца.

Старр снова кивнул. С Земли протуберанцы можно видеть только во время полного затмения и при помощи специальных инструментов – из-за атмосферы.

– Вот это, – негромко добавил Майндс, – и называют «красным призраком Солнца».

– Значит, два призрака, – неожиданно сказал Дэвид, – белый и красный. Из-за них вы носите бластер, Майндс?

Майндс вскрикнул:

– Что? О чем вы говорите?

– Я говорю, – сказал Счастливчик, – что пора рассказать, зачем на самом деле вы привели нас сюда. Конечно, не для того, чтобы разглядывать виды. Я уверен, на пустой, лишенной жизни планете вы не стали бы носить с собой бластер.

Майндс ответил не сразу. А сказал он следующее:

– Вы ведь Дэвид Старр?

– Да, – терпеливо ответил Дэвид.

– Вы член Совета Науки. Вас называют Счастливчик Старр.

Члены Совета Науки избегают всеобщей известности, и поэтому Старр с большой неохотой подтвердил:

– Вы правы.

– Значит, я не ошибся. Вы один из главных следователей и явились расследовать проект «Свет».

Счастливчик сжал губы, отчего они стали тоньше. Он предпочел бы, чтобы его узнавали не так легко.

– Может, и так, а может, нет. Зачем вы привели меня сюда?

– Я знаю, что это так, – Майндс тяжело дышал, – и привел вас сюда, чтобы сказать правду, прежде чем вас опутают ложью.

– Относительно чего?

– Относительно неудач, которые преследуют… как я ненавижу это слово… неудач проекта «Свет».

– Но вы могли мне сказать это в Куполе. Почему же здесь?

– По двум причинам, – ответил инженер. Он продолжал дышать часто и тяжело. – Во-первых, все считают, что это моя вина. Думают, что я не могу осуществить проект, зря трачу деньги налогоплательщиков. Я хотел увести вас от них. Понятно? Хотел, чтобы вы сначала выслушали меня.

– Почему они считают, что вы виноваты?

– Потому что я слишком молод.

– Сколько же вам лет?

– Двадцать два.

Старр, сам ненамного старше, спросил:

– А вторая причина?

– Хотел, чтобы вы почувствовали Меркурий, пропитались… – Он смолк.

Высокий и прямой, в защитном костюме, Дэвид стоял на запретной поверхности Меркурия, металл костюма уловил и отра-зил молочный свет короны – «белый

призрак Солнца».

Старр сказал:

– Хорошо, Майндс, предположим, я принимаю ваше утверждение, что вы не виноваты в неудачах проекта. Тогда кто же виноват?

Сначала голос инженера был еле слышен. Постепенно стали понятны слова:

– Не знаю… во всяком случае…

– Я вас не понимаю, – сказал Счастливчик.

– Послушайте, – в отчаянии заговорил Майндс, – я сам вел расследование. Неоднократно днем и ночью старался найти виновного. Следил за всеми. Отмечал время, когда происходили происшествия, разрывы кабеля, когда разбивались конверсионные пластины. И я уверен в одном…

– В чем именно?

– Никто в Куполе непосредственно в этом не виноват. Никто. У нас здесь около пятидесяти человек, точнее, пятьдесят два, и во время последних шести происшествий я смог установить положение всех их. Никто не приближался к месту происшествий. – Голос его стал пронзительным.

Дэвид спросил:

– Тогда кто же виноват в происшествиях? Меркуротрясения? Воздействие Солнца?

– Призраки! – дико воскликнул инженер, размахивая руками. – Есть белый призрак и красный призрак. Вы их сами видели. Но есть и двуногие призраки. Я их видел, но разве кто-нибудь мне верит? – Он говорил почти бессвязно. – Говорю вам… говорю вам…

Верзила сказал:

– Призраки! Вы спятили?

И Майндс закричал:

– Вы мне тоже не верите! Но я докажу. Я пристрелю призрака. Пристрелю дураков, которые мне не верят! Всех пристрелю! Всех!

С диким хохотом он вытащил бластер и с лихорадочной поспешностью, прежде чем Верзила смог остановить его, направил на Дэвида и нажал курок. Невидимое разрушительное поле устремилось вперед…

Глава 2. Безумец или нормальный?

Счастливчику пришел бы конец, если бы он и Майндс находились на Земле.

Он не упустил нарастающее безумие в голосе Майндса. Он ждал какого-то срыва. Но никак не ожидал прямого нападения с бластером.

Когда рука Майндса двинулась к рукояти бластера, Дэвид отпрыгнул в сторону. На Земле все равно было бы слишком поздно.

На Меркурии, однако, дела обстоят по-другому. Сила тяжести Меркурия равна двум пятым земной, и напрягшиеся мышцы молодого человека швырнули его легкое тело (даже включая костюм) далеко в сторону. Майндс, непривычный к низкой силе тяжести, пошатнулся, поворачиваясь, чтобы следовать стволом бластера за движением Старра.

Поэтому луч бластера ударил в поверхность в нескольких дюймах от Счастливчика. И вырыл в жесткой скале дыру в фут глубиной.

Прежде чем Майндс выпрямился и выстрелил вторично, Верзила в длинном низком броске достал его, двигаясь с врожденной привычкой к слабому марсианскому тяготению.

Майндс упал. Он закричал без слов, потом замолк, то ли потерял сознание, то ли его приступ безумия кончился.

Верзила не поверил ни в то, ни в другое.

– Он притворяется! – страстно воскликнул он. – Подонок притворяется мертвым. – Он вырвал бластер у несопротивлявшегося инженера и направил ему в голову.

Дэвид резко сказал:

– Ни в коем случае, Верзила!

Верзила колебался.

– Он пытался тебя убить, Счастливчик.

Ясно было, что маленький марсианин не был бы и вполовину так сердит, если бы опасность смерти угрожала ему самому. Тем не менее он попятился.

Старр опустился на колени, глядя через лицевую пластину на Майндса. Он осветил его бледное напряженное лицо фонарем. Проверил давление в костюме, убедившись, что во время падения швы не разошлись. Потом, схватив инженера за руки и ноги, взвалил себе на плечи и встал.

– Назад в Купол, – сказал он, – и боюсь, проблема несколько сложнее, чем думает шеф.

Верзила что-то проворчал и двинулся за другом; тот шел большими легкими шагами, и маленькому Верзиле приходилось почти бежать. Он держал бластер наготове, чтобы выстрелить в Майндса, не задев Дэвида.

Шеф – это Гектор Конвей, глава Совета Науки. В неофициальной обстановке Старр звал его дядя Гектор, потому что он, Гектор Конвей, вместе с Августасом Хенри был опекуном маленького Дэвида после смерти его родителей во время пиратского нападения в районе орбиты Венеры.

Неделю назад Конвей небрежным тоном, будто предлагая отпуск, спросил молодого человека:

– Не хочешь ли слетать на Меркурий?

– А что там, дядя Гектор?

– Да ничего особенного, – ответил Конвей, нахмурившись, – политика. Мы проводим на Меркурии дорогостоящий эксперимент, одно из тех фундаментальных исследований, которые могут ничего не дать, но, с другой стороны, могут и произвести революцию. Рискованная игра. Все эти проекты таковы.

– Я об этом знаю? – спросил Дэвид.

– Не думаю. Начали совсем недавно. А сенатор Свенсон приводит его в качестве примера того, как легко Совет тратит деньги налогоплательщиков. Тебе эта песня знакома. Он проводит расследование, и один из его людей улетел несколько месяцев назад на Меркурий.

– Сенатор Свенсон? Понятно. – Счастливчик кивнул.

Это не было для него новостью. За последние несколько десятилетий Совет Науки медленно выдвигался на передний фронт при отражении как внутренних, так и внешних опасностей, угрожавших Земле. В век галактической цивилизации, когда человечество расселилось по всем звездам Млечного Пути, только ученые могли справляться с проблемами всего человечества. Только специально подготовленные ученые, члены Совета.

Но в правительстве Земли некоторые боялись растущего влияния Совета Науки, и были такие, кто использовал этот страх в собственных честолюбивых целях. Предводителем этой последней группы был сенатор Свенсон. Его нападки на «бессмысленную трату Советом средств налогоплательщиков» принесли ему широкую известность.

Дэвид спросил:

– А кто возглавляет проект на Меркурии? Я его знаю?

– Кстати, мы называем его проектом «Свет». А возглавляет его инженер по имени Скотт Майндс. Умный парень, но не годится для руководства. Самое неприятное, что с тех пор, как Свенсон поднял шум, с проектом стали происходить всякие неожиданности.

– Посмотрю, если хотите, дядя Гектор.

– Хорошо. Случайности и поломки – это ничего серьезного, я уверен, но мы не хотим, чтобы Свенсон представлял нас в дурном свете. Проследи, чтобы это кончилось. И присмотрись к его человеку. Его зовут Зертейл, и у него репутация способного и опасного парня.

Так это все началось. Небольшое расследование, чтобы предотвратить политические трудности. Ничего больше.

Старр высадился на северном полюсе Меркурия, не ожидая никаких происшествий, и через два часа оказался под прицелом бластера.

Бредя к Куполу с Майндсом на плечах, он думал: «Тут не просто политика».

Доктор Карл Гардома вышел из маленькой больничной палаты и серьезно посмотрел на Старра и Верзилу. Он вытер свои сильные руки куском пушистого пластоабсорбента; закончив, бросил его в корзину для мусора. Его темное, почти коричневое лицо было обеспокоено, тяжелые густые брови нахмурены. Даже черные волосы, коротко подстриженные и торчавшие в беспорядке, тоже передавали озабоченность.

– Ну, доктор? – спросил Дэвид.

Доктор Гардома сказал:

– Я дал ему успокоительное. Не знаю, как раньше, но последние несколько месяцев он находился в большом напряжении.

– Почему?

– Он считает себя ответственным за все неприятности с проектом «Свет».

– А разве это не так?

– Конечно, нет. Но можете себе представить, что он чувствует. Он уверен, что все обвиняют его. Проект «Свет» крайне важен. В него вложено много денег и сил. Под началом у Майндса десять человек, все на пять-десять лет старше его, и огромное количество оборудования.

– А почему он так молод?

Доктор мрачно улыбнулся, но, вопреки мрачности, ровные белые зубы сделали его улыбку приятной, даже очаровательной. Он сказал:

– Субэфирная оптика, мистер Старр, совершенно новая ветвь науки. Только молодые люди, вчерашние выпускники, в ней разбираются.

– Вы как будто и сами в ней разбираетесь?

– Мне рассказывал Майндс. Мы прилетели на Меркурий в одном корабле, и он меня околдовал своим проектом и возлагаемыми на него надеждами. Вы что-нибудь об этом знаете?

– Не имею представления.

– Ну, речь идет о гиперпространстве, той составляющей космоса, которая находится за пределами известного нам пространства. Законы природы, действующие в обычном пространстве, в гиперпространстве неприменимы. Например, в обычном пространстве невозможно двигаться быстрее света, и потому нужно не менее четырех лет, чтобы долететь до ближайшей звезды. А в гиперпространстве возможна любая скорость… – Врач с виноватой улыбкой смолк. – Я уверен, вы все это знаете.

– Большинство людей знают, что с открытием гиперпространства стали возможны полеты к звездам, – сказал Дэвид. – Но при чем тут проект «Свет»?

– Ну, в обычном пространстве в вакууме свет распространяется по прямой линии, – сказал доктор Гардома. – Линию можно искривить только большой силой тяготения. С другой стороны, в гиперпространстве ее можно сгибать легко, как хлопковую нить. Свет можно сфокусировать, рассеять, отправить в обратном направлении. Так утверждает теория гипероптики.

– И, вероятно, Скотт Майндс должен проверить справедливость этой теории?

– Совершенно верно.

– А почему здесь? – спросил Верзила. – Почему именно на Меркурии?

– Потому что только тут во всей Солнечной системе столько света сосредоточивается на большой поверхности. Эффект, которого ожидает Майндс, легче всего наблюдать здесь. Осуществление того же проекта на Земле обошлось бы в сотни раз дороже, и результаты были бы в сотни раз менее надежными. Так говорил Майндс.

– Однако начались случайные неполадки.

Доктор Гардома фыркнул.

– Это не случайности. И, мистер Старр, их нужно прекратить. Знаете ли вы, что будет означать успех проекта «Свет»? – Он продолжал, увлеченный собственными словами: – Земля больше не будет рабыней Солнца. Космические станции, окружающие Землю, смогут перехватывать солнечный свет, переводить его в гиперпространство и равномерно распределять по всей Земле. Жара пустынь и холод полюсов исчезнут. Времена года будут установлены такими, как нам нужно. Мы будем управлять погодой, контролируя распределение солнечного света. Сможем иметь вечный солнечный свет, если захотим, или день любой длины. Земля превратится в кондиционированный рай.

– Вероятно, на это потребуется время.

– Очень много, но ведь это только начало… Послушайте, может, я вмешиваюсь не в свое дело, но не вы ли тот Дэвид Старр, который разрешил загадку отравленной пищи на Марсе?

Голос Счастливчика звучал чуть раздраженно, брови его нахмурились:

– Почему вы так считаете?

Доктор Гардома ответил:

– Я все-таки врач. Отравление вначале считали эпидемией, и я этим очень интересовался. Ходили слухи о молодом члене Совета, который сыграл главную роль в разгадке этой тайны, упоминали и имя.

Дэвид сказал:

– Давайте не будем об этом.

Он, как всегда, испытывал недовольство, когда становился слишком известен. Вначале Майндс, теперь Гардома.

– Если вы тот самый Старр, – сказал Гардома, – я надеюсь, вы здесь для того, чтобы прекратить все эти неприятности.

Счастливчик, казалось, его не слышал. Он спросил:

– Когда я смогу поговорить со Скоттом Майндсом, доктор Гардома?

– Не раньше чем через двенадцать часов.

– Он будет в себе?

– Я в этом уверен.

Послышался чей-то гортанный баритон:

– Неужели, Гардома? Потому что вы считаете, что наш мальчик Майндс никогда не был неразумным?

При этих словах доктор Гардома повернулся, не пытаясь скрыть неприязненное выражение.

– Что вы здесь делаете, Зертейл?

– Держу глаза и уши открытыми. Лучше бы я их закрыл, – сказал вновь пришедший.

Старр и Верзила с любопытством смотрели на него. Большой человек; невысокий, но широкоплечий, с мощными мышцами. Щеки черны от щетины; неприятное ощущение крайней самоуверенности.

Доктор Гардома сказал:

– Делайте со своими глазами и ушами что угодно, но не в моем кабинете.

– Почему? – спросил Зертейл. – Вы врач. Пациенты имеют право входа. Может быть, я пациент.

– На что жалуетесь?

– А эти двое? Они на что жалуются? Ну, у этого, я уверен, нарушение гормонального равновесия. – При этих словах он взглянул на Верзилу.

В наступившем молчании Верзила сначала смертельно побледнел, а потом как будто начал раздуваться. Он медленно встал, глаза его округлились. Губы шевельнулись, будто он повторял «нарушение гормонального равновесия», как будто он пытался убедить себя, что на самом деле слышал эти слова, что он не ослышался.

Потом, с быстротой нападающей кобры, пять футов два дюйма стальных мышц Верзилы устремились к насмешнику.

Но Старр действовал быстрее. Он схватил Верзилу за оба плеча.

– Спокойней, Верзила.

Маленький марсианин отчаянно пытался вырваться.

– Ты сам слышал, Счастливчик! Ты ведь слышал!

– Не сейчас, Верзила.

Зертейл хрипло рассмеялся.

– Выпусти его, приятель. Я разотру этого малыша по полу пальцем.

Верзила взвыл и принялся извиваться в руках Старра.

Тот сказал:

– На вашем месте я бы помолчал, Зертейл, иначе вы попадете в неприятности, из которых вас не вытащит ваш друг сенатор.

Глаза его при этом стали ледяными, а голос звучал сталью.

Зертейл мгновение смотрел ему в глаза, потом отвернулся. Что-то сказал насчет шуток. Верзила дышал теперь ровнее, и Дэвид медленно разжал руки. Марсианин вернулся на свое место, дрожа от сдерживаемой ярости.

Доктор Гардома, который напряженно следил за происшествием, спросил:

– Вы знакомы с Зертейлом, мистер Старр?

– Наслышан. Джонатан Зертейл, бродячий следователь сенатора Свенсона.

– Можно и так сказать, – пробормотал врач.

– Я тоже вас знаю, Дэвид Старр, Счастливчик Старр, как еще вас называют, – сказал Зертейл. – Бродячий вундеркинд Совета Науки. Марсианская отрава. Пираты астероидов. Венерианская телепатия. Правильный перечень?

– Да, – ровно ответил Дэвид.

Зертейл торжествующе улыбнулся.

– Мало найдется такого, чего бы в офисе сенатора Свенсона не знали о Совете Науки. И мало чего я не знаю о происходящем здесь. Например, я знаю о покушении на вашу жизнь и пришел с вами из-за этого увидеться.

– Зачем?

– Хочу предупредить вас. Небольшое дружеское предупреждение. Вероятно, врач уже сказал вам, какой отличный парень Майндс. Всего лишь влияние невыносимого напряжения, сказал он, я полагаю. Они друзья с Майндсом. Большие друзья.

– Я только сказал… – начал доктор Гардома.

– Позвольте мне закончить, – сказал Зертейл. – Позвольте мне сказать вот что. Скотт Майндс так же безопасен для вас, как двухтонный астероид для космического корабля. Он не был временно невменяемым, когда нацелился в вас бластером. Он знал, что делает. Он хладнокровно пытался убить вас, Старр, и, если вы не будете осторожны, в следующий раз у него получится. Можете поклясться сапогами своего маленького марсианского друга, он сделает еще одну попытку.

Глава 3. Смерть ожидает в комнате

Наступившее молчание казалось приятным только Зертейлу.

Затем Дэвид спросил:

– Почему? Каковы его мотивы?

Зертейл спокойно ответил:

– Потому что он боится. Здесь затрачены многие миллионы, миллионы, выданные расточительным Советом Науки, а он не может довести эксперимент до конца. Свою некомпетентность он называет случайными неполадками. Полетит на Землю и будет убеждать, что во всем виноваты случайности. И получит еще деньги Совета, вернее, налогоплательщиков, для какого-нибудь другого не менее глупого плана. Но вы явились на Меркурий расследовать, и он боится, что Совет все-таки узнает правду. Вы ее унесете с собой.

Старр сказал:

– Если это правда, вы ее уже знаете.

– Да, и надеюсь это доказать.

– Но вы тогда тоже представляете опасность для Майндса. Следуя вашим рассуждениям, вас он должен попытаться убить прежде всего.

Зертейл улыбнулся, его пухлые щеки стали шире. Он сказал:

– Он пытался меня убить. Верно. Но я бывал во многих переделках, работая на сенатора. Я могу постоять за себя.

– Скотт Майндс никогда не пытался убить ни вас, ни кого-либо другого, – заявил доктор Гардома, лицо его стало измученным и бледным. – Вы это хорошо знаете.

Зертейл не стал отвечать ему прямо. Он обратился к Старру:

– Присматривайте и за добрым доктором тоже. Как я сказал, он большой друг Майндса. На вашем месте я не позволил бы ему лечить у себя даже головную боль. Таблетки и уколы могут… – он громко щелк-нул пальцами.

Доктор Гардома с трудом произнес:

– Кто-нибудь убьет вас за…

Зертейл беззаботно заметил:

– Да? И вы собираетесь стать этим человеком? – Он повернулся, уходя, и через плечо бросил: – О да, забыл. Я слышал, старик Певерейл хочет с вами увидеться. Он очень обеспокоен, что не встретил вас официально. Расстроен. Повидайтесь с ним, погладьте его по головке… И, Старр, еще один намек. Не надевайте защитные костюмы, вначале не проверив их. Понимаете, что я имею в виду? – С этими словами он наконец ушел.

Прошло немало времени, прежде чем Гардома пришел в себя и смог говорить. Он сказал:

– Каждый раз, когда я его вижу, он выводит меня из себя. Грязный лживый…

– Весьма проницательный парень, – сухо заметил Дэвид. – Очевидно, один из его методов – расчетливо говорить то, что выведет собеседника из себя. А разгневанный противник наполовину беспомощен… Кстати, Верзила, это к тебе относится. Ты готов наброситься на всякого, кто намекнет, что в тебе меньше шести футов.

– Счастливчик, – взвыл марсианин, – он сказал, что у меня нарушение нормальной деятельности гормонов.

– Научись ждать подходящего момента, чтобы убедить его в противоположном.

Верзила воинственно заворчал и ударил кулаком по прочному пластику своих серебряно-золотых сапог. (Кричащие многоцветные сапоги не наденет никто, кроме фермера с Марса, но ни один марсианский фермер не выйдет без них. У Верзилы их был десяток, и каждая следующая пара ярче предыдущей.)

Дэвид сказал:

– Что ж, повидаемся с доктором Певерейлом. Он ведь глава обсерватории?

– Глава всего Купола, – сказал доктор. – Он и правда заметно постарел. Рад добавить, что он ненавидит Зертейла не меньше любого из нас, но ничего не может сделать. Не может спорить с сенатором. Интересно, а может ли Совет? – мрачно закончил он.

Старр ответил:

– Думаю, да. А теперь напоминаю: я хочу увидеться с Майндсом, как только он проснется.

– Хорошо. Будьте осторожны.

Счастливчик с любопытством взглянул на него.

– Будьте осторожны? Что вы этим хотите сказать?

Доктор Гардома покраснел.

– Просто фигура речи. Я так всегда говорю. Ничего не имею в виду.

– Понятно. Ну что ж, до встречи. Пошли, Верзила, и перестань хмуриться.

Доктор Лэнс Певерейл пожал им обоим руки с энергией, которой они не ожидали в таком пожилом человеке. Его темные глаза смотрели серьезно и озабоченно и казались еще темнее из-за нависавших седых бровей. Волосы, все еще густые, почти сохранили первоначальный цвет, став серо-стальными. Больше всего его старили морщинистые щеки, на которых отчетливо выделялись скулы.

Он говорил медленно и негромко:

– Простите, джентльмены; я чрезвычайно расстроен тем, что сразу после вашего прибытия в обсерваторию произошло это ужасное событие. Я во всем виню себя.

– Для этого нет причин, доктор Певерейл, – сказал Дэвид.

– Вина моя, сэр. Мне следовало самому встретить вас… Но мы следили за исключительно интересным и очень необычным протуберанцем, и я позволил своим профессиональным интересам помешать проявлениям гостеприимства.

– Ну в любом случае вы прощены, – сказал Счастливчик и искоса с юмором взглянул на Верзилу, который с раскрытым ртом слушал поток слов старика.

– Мой поступок непростителен, – говорил старый астроном, – но мне приятно, что вы пытаетесь. Я приказал приготовить для вас помещение. – Он взял их за руки и повел по ярко освещенному коридору Купола. – У нас тесно, особенно после прибытия доктора Майндса с его инженерами и… и других. Но все же вам будет приятно иметь возможность отдохнуть и даже поспать. Я уверен, вы также захотите поесть, и вам принесут пищу. Завтра у вас будет возможность познакомиться со всеми, а у нас – узнать причину вашего приезда сюда. Для меня вполне достаточно того, что за вас ручается Совет Науки. Мы устроим нечто вроде банкета в вашу честь.

Коридор постепенно вел вниз, они углублялись в жилые помещения Купола под поверхностью Меркурия.

Дэвид сказал:

– Вы очень добры. Возможно, я смогу осмотреть и обсерваторию.

Певерейл, казалось, этому обрадовался.

– В этом я к вашим услугам, и уверен, вы не пожалеете о затраченном времени. Наше основное оборудование смонтировано на передвижной платформе, которая перемещается вместе с движением терминатора. При этом часть диска Солнца всегда остается видимой, несмотря на движение Меркурия.

– Поразительно! Но теперь, доктор Певерейл, один вопрос. Каково ваше мнение о докторе Майндсе? Я оценил бы откровенный ответ, без всяких дипломатических соображений.

Певерейл нахмурился.

– Вы ведь тоже специалист по субоптике?

– Не совсем, – ответил Старр, – но я спрашиваю о нем как о человеке.

– Ага. Ну… – астроном задумался, – он приятный молодой человек, весьма компетентный, мне кажется, но нервный, очень нервный. Он обидчив, слишком обидчив. Чем больше проходит времени, чем хуже идут дела, тем все сильнее это сказывается; с ним иногда бывает очень трудно. Жаль; я уже сказал, что в целом это приятный молодой человек. Я его начальник, конечно, пока он работает в Куполе, но в его дела не вмешиваюсь. Его проект не связан с работой обсерватории.

– А каково ваше мнение о Джонатане Зертейле?

Старый астроном сразу остановился.

– А он при чем?

– Как он ладит со всеми здесь?

– Не хочу говорить об этом человеке, – сказал Певерейл.

Некоторое время они шли молча. У астронома было мрачное лицо.

Счастливчик сказал:

– Есть ли еще люди в обсерватории? Тут вы и ваши люди, Майндс и его люди и Зертейл. Кто еще?

– Врач, конечно. Доктор Гардома.

– Вы не считаете его одним из своих людей?

– Ну, он ведь врач, а не астроном. Он выполняет работу, которую не могут выполнить механизмы. Заботится о нашем здоровье. Он здесь недавно.

– Насколько?

– Сменил прежнего врача после истечения у того годичной смены. Кстати, доктор Гардома прилетел на том же корабле, что Майндс и его люди.

– Годичная смена? Это обычно для здешних врачей?

– И для большинства остальных. Трудно при этом поддерживать нормальное общение; к тому же сначала ты с трудом учишь человека, а потом он сразу улетает; но на Меркурии нелегко жить, и приходится часто заменять людей.

– Сколько же новых людей вы получили за последние шесть месяцев?

– Около двадцати. Точное число в наших записях, но примерно двадцать.

– Но сами вы здесь давно?

Астроном рассмеялся.

– Много лет. Даже не хочется думать сколько. И доктор Кук, мой заместитель, здесь уже шесть лет. Конечно, мы часто бываем в отпуске… Ну вот и ваше помещение, джентльмены. Если вам что-нибудь потребуется, сразу дайте мне знать.

Верзила осмотрелся. Комната была небольшой, но в ней стояли две кровати, которые можно было убирать в стенной проем; два стула тоже убирались в стену; комбинация стула с письменным столом; небольшой шкаф; по соседству ванная.

– Эй, – сказал он, – получше, чем на корабле.

– Неплохо, – согласился Дэвид. – Вероятно, одна из их лучших комнат.

– А почему бы и нет? – спросил Верзила. – Я думаю, он знает, кто ты.

– Надеюсь, нет, Верзила, – сказал Старр. – Он считает меня специалистом по субоптике. И знает только, что послал меня Совет.

– Но ведь все знают, кто ты, – возразил Верзила.

– Не все. Майндс, Гардома, Зертейл… Послушай, Верзила, отправляйся в ванную. Я закажу еду и попрошу принести с «Метеора» вспомогательное оборудование.

– Идет, – весело сказал Верзила.

Он громко пел под душем. Как обычно в безводных мирах, вода строго ограничивалась, на стене висело предупреждение, какое количество может быть использовано. Но Верзила родился и вырос на Марсе. Он очень уважал воду и не стал бы ее уничтожать с такой же охотой, как, например, бифштекс. Поэтому он обильно пользовался мылом, а водой умеренно и при этом громко пел.

Он встал перед сушилкой с горячим воздухом и шлепал себя по телу, чтобы быстрее высохнуть.

– Эй, Счастливчик, – закричал он, – как еда, уже на столе? Я есть хочу.

Он слышал голос Дэвида, но слов разобрать не мог.

– Эй, Счастливчик, – повторил он и вышел из ванной. На столе стояли две дымящиеся тарелки с жареным мясом и картофелем (чуть заметный запах свидетельствовал, что мясо – на самом деле продукт с дрожжевой плантации подводных садов Венеры). Старр, однако, не ел, а сидел на кровати и негромко говорил по комнатному переговорному устройству.

С приемного экрана смотрел доктор Певерейл.

Дэвид сказал:

– Значит, всем известно, что нам отведена эта комната?

– Не всем, но я отдал приказ подготовить для вас эту комнату по открытой связи. Мне кажется, тут нет повода для тайны. Возможно, кто-то услышал. К тому же ваша комната обычно отводится почетным гостям. В этом нет никакого секрета.

– Понятно. Спасибо, сэр.

– Что-нибудь случилось?

– Вовсе нет, – с улыбкой ответил Старр и отключился. Улыбка его исчезла, выглядел он задумчиво.

– Ничего не случилось? – взорвался Верзила. – В чем дело? Меня не обманешь, говори, что случилось.

– Да, кое-что случилось. Я проверял оборудование. Вот это, вероятно, специально изолированные костюмы для солнечной стороны.

Верзила приподнял костюм, висевший в одной из стенных ниш. Костюм был поразительно легок для своего размера, и это нельзя было объяснить уменьшенной силой тяжести: в Куполе поддерживалась земная сила тяжести.

Он покачал головой. Как всегда, когда приходилось надевать костюм со склада, а не изготовленный для него специально, его приходилось усиленно подгонять, но пользоваться все равно было неудобно. Одно из наказаний за то, что ты не так высок. Он всегда думал в таких выражениях: «Не так высок». О своих пяти футах двух дюймах он никогда не думал как о маленьком росте.

Он сказал:

– Пески Марса! Они обо всем позаботились. Постель. Ванна. Еда. Костюмы.

– И кое-что еще, – серьезно сказал Дэвид. – В этой комнате ждет смерть. Посмотри.

Он поднял рукав большего костюма. Плечевой сустав легко повернулся, но на месте его соединения с плечом показалась тонкая, почти незаметная щель. Если бы пальцы Старра ее не растянули, она вообще была бы не видна.

Разрез! Очевидно, сделанный человеком! Сквозь него виднелась изоляция.

– На внутренней поверхности, – сказал Счастливчик, – такой же разрез. Костюм продержался бы, пока я бы не оказался на солнечной стороне, а затем аккуратно убил бы меня.

Глава 4. За банкетным столом

– Зертейл! – сразу воскликнул Верзила с яростью, от которой напряглись все мышцы в его теле. – Этот грязный подонок…

– Почему Зертейл? – негромко спросил Дэвид.

– Он предупредил, чтобы следили за костюмами. Помнишь?

– Конечно. Я именно это и сделал.

– Да. Это он специально. Мы найдем разрез и подумаем, какой он замечательный парень. И в следующий раз будем для него легкой добычей. Не поддавайся на это, Счастливчик. Он…

– Подожди, Верзила, подожди. Не так быстро. Посмотри на это с другой стороны. Зертейл сказал, что Майндс пытался и его убить. Допустим, мы ему поверим. Допустим, Майндс пытался вывести из строя костюм Зертейла, и тот это заметил. Зертейл предупредил нас. Может, это опять Майндс.

– Пески Марса, этого не может быть. Этот парень, Майндс, по горло наелся снотворного, а до того он с самого нашего прибытия был у нас на глазах.

– Ну хорошо. Но откуда нам известно, что Майндс спит и накормлен лекарствами? – спросил Дэвид.

– Гардома говорит… – начал Верзила и замолчал.

– Вот именно. Гардома говорит. Мы сами не видели Майндса. Мы знаем только, что сказал доктор Гардома, а он большой друг Майндса.

– Они сговорились, – сказал сразу убежденный Верзила. – Летящие кометы…

– Подожди, подожди, не лети ты так быстро. Великая Галактика, Верзила, я пытаюсь разобраться в своих мыслях, а ты все сразу принимаешь. – Тон его звучал неодобрительно, насколько это было возможно при общем уважительном отношении к маленькому другу. Он продолжал: – Ты десятки раз жаловался, что я не говорю тебе, что у меня на уме, пока сам все не продумаю. Вот почему, любитель бластеров: едва у меня появляется теория, ты уже кидаешься действовать, с оружием на изготовку.

– Прости, Счастливчик, – сказал Верзила. – Давай дальше.

– Ну хорошо. Зертейла легко заподозрить. Его никто не любит. Даже доктор Певерейл. Ты видел, как он отказался говорить о нем. Мы встретили его только раз, и ты его сразу невзлюбил…

– Еще бы, – пробормотал Верзила.

– …впрочем, мне он тоже не понравился. Любой мог разрезать этот костюм и надеяться, что подозрение падет на Зертейла, как только все откроется. А откроется несомненно, если не до убийства, так после.

– Я теперь понимаю.

– С другой стороны, – спокойно продолжал Старр, – Майндс уже пытался избавиться от меня с помощью бластера. Если это была серьезная попытка, то он не похож на человека, склонного к подобным косвенным действиям. Что касается доктора Гардома, то я не могу представить себе его соучастником убийства члена Совета только из дружбы к Майндсу.

– Каково же тогда решение? – нетерпеливо спросил Верзила.

– Никакого, – ответил Дэвид, – разве что мы ложимся спать. – Он отбросил простыни и направился в ванную.

Верзила посмотрел ему вслед и пожал плечами.

Скотт Майндс сидел в постели, когда на следующее утро Старр и Верзила вошли в его комнату. Он был бледен и выглядел усталым.

– Здравствуйте, – сказал он. – Карл Гардома рассказал мне, что случилось. Вы представить себе не можете, как мне неловко.

Счастливчик пожал плечами.

– Как вы себя чувствуете?

– Выжат досуха, если вы понимаете, что я хочу сказать. Я буду на приеме, который дает сегодня вечером старый Певерейл.

– Разумно ли это?

– Я не позволю Зертейлу захватить крепость, – сказал Майндс, и лицо его внезапно исказилось от ненависти. – Он всем говорит, что я спятил. Доктор Певерейл тоже, кстати.

– Доктор Певерейл сомневается в вашей нормальности? – негромко спросил Дэвид.

– Ну… Видите ли, Старр, я со времени начала этих происшествий прочесывал солнечную сторону на ракетном скутере. Мне нужно было это делать. Это мой проект. Дважды… я кое-что видел.

Майндс смолк, и Дэвид поторопил его:

– Что видели, доктор Майндс?

– Хотел бы я утверждать уверенно. Каждый раз я видел это вдалеке. Что-то двигалось. Похоже на человека. В космическом костюме. Но не наши специально изолированные костюмы. Больше похож на обычный костюм для космоса. Простой металл.

– Вы пытались подойти ближе?

– Да, и сразу терял его. А на фотографиях ничего не видно. Просто пятна света и тьмы: может, что-то они означают, может, нет. Но там что-то было. Что-то двигалось под солнцем, будто ему не важны жара и радиация. Оно оставалось на солнце и стояло неподвижно по нескольку минут. Это меня доконало.

– Это странно? Стоять неподвижно на солнце?

Майндс коротко рассмеялся.

– На солнечной стороне Меркурия? Конечно. Никто тут не станет стоять. Несмотря ни на какую изоляцию, делаешь свое дело как можно быстрее и уходишь в тень. Вблизи терминатора температура не так велика. Дело в радиации. Нужно набирать ее как можно меньше. Изоляционный костюм не защищает полностью от гамма-лучей. Если нужно постоять, стоят в тени скал.

– Как же вы все это объясните?

Майндс перешел на стыдливый шепот:

– Не думаю, что это человек.

– Вы ведь не станете утверждать, что это двуногий призрак, – неожиданно сказал Верзила, прежде чем Дэвид смог его удержать.

Но Майндс только покачал головой.

– Я так сказал на поверхности? Что-то припоминаю… Нет, я думаю, это меркурианин.

– Что? – воскликнул Верзила так, будто ожидал гораздо худшего.

– Иначе как он может выдерживать солнечную радиацию и жару?

– А зачем ему тогда космический костюм? – спросил Счастливчик.

– Не знаю. – Глаза Майндса сверкнули, и в них появилось загнанное выражение. – Но это что-то. Вернувшись в Купол, я проверил местонахождение всех людей. Все были на месте. Доктор Певерейл не разрешил провести экспедицию для поиска. Он сказал, что мы для этого не подготовлены.

– Вы говорили ему то, что рассказали мне?

– Он считает меня сумасшедшим. Но я уверен в том, что видел. Он считает, что я видел какие-то отражения и создал из них человека в своем воображении. Но это не так, Старр!

Дэвид спросил:

– Вы связались с Советом Науки?

– Как я мог? Доктор Певерейл не поддержал бы меня. Зертейл сказал бы, что я спятил, и его бы послушали. А кто будет слушать меня?

– Я, – сказал Дэвид.

Майндс рывком сел. Руки его взметнулись, будто он хотел схватить собеседника за рукав, но он сдержал их. Сдавленным голосом он сказал:

– Вы будете это расследовать?

– Да, в некотором роде, – ответил Счастливчик.

Когда Старр и Верзила вошли, все уже сидели за банкетным столом. Поднялся гул приветствий и представлений, но было ясно, что вечер не из приятных.

Доктор Певерейл сидел во главе стола, тонкие губы его были поджаты, впавшие щеки дрожали – внешность человека, который с трудом сохраняет достоинство. Слева от него виднелась широкоплечая фигура Зертейла; он откинулся в кресле, толстые пальцы поглаживали край стакана.

В конце стола сидел Скотт Майндс, выглядел он крайне юным и усталым и с раздражением смотрел на Зертейла. Рядом с ним доктор Гардома поглядывал тревожно и внимательно, готовый вмешаться.

Остальные места, за исключением двух, справа от доктора Певерейла, занимали старшие специалисты обсерватории. Хэнли Кук, заместитель директора Купола, наклонился и крепко пожал Дэвиду руку.

Счастливчик и Верзила заняли свои места, и ужин начался.

Зертейл сразу заговорил резким хриплым голосом, овладев всеобщим вниманием:

– Мы как раз говорили, не следует ли Майндсу рассказать, какие чудеса ожидают Землю в результате его эксперимента.

– Ничего подобного, – заявил Майндс, – я буду говорить, когда захочу.

– О, послушайте, Скотт, – Зертейл широко улыбался, – не будьте таким застенчивым. Ну, тогда я сам расскажу.

Как бы случайно доктор Гардома опустил руку на плечо Майндса, молодой инженер с трудом глотнул, подавил негодующий возглас и продолжал молчать.

Зертейл сказал:

– Предупреждаю вас, Старр, рассказ будет интересным. Это…

Дэвид прервал его:

– Я знаю кое-что об эксперименте. Основная цель – создание планеты с воздушным кондиционированием – вполне достижима.

Зертейл поморщился.

– Неужели? Я рад, что у вас оптимистический взгляд. Бедняга Скотт не может добиться успеха даже в пробном эксперименте. По крайней мере говорит, что не может, не правда ли, Скотт?

Майндс полувстал, но доктор Гардома снова положил ему руку на плечо.

Верзила переводил взгляд от одного говорящего к другому, на Зертейла он смотрел с открытым отвращением. Но ничего не говорил.

Прибытие главного блюда сразу прекратило разговор, и доктор Певерейл отчаянно пытался перевести беседу на менее опасное направление. На некоторое время ему это удалось, но затем Зертейл, наколов на вилку последний кусок бифштекса, наклонился к Старру и сказал:

– Значит, вы считаете, что проект Майндса идет нормально?

– Ну, мне кажется, результаты неплохие.

– Вы, как член Совета, так и должны считать. А что, если я вам скажу, что это фальшивый эксперимент; то же самое можно было бы проделать на Земле за один процент затрат, если бы Совет был заинтересован в экономии денег налогоплательщиков? Что вы на это скажете?

– То же самое я скажу в ответ на любые ваши слова, – сдержанно ответил Дэвид. – Я скажу: «Мистер Зертейл, вероятно, вы лжете. В этом ваш большой талант и, вероятно, основное удовольствие».

Мгновенно наступила мертвая тишина, даже Зертейл смолк. Его толстые щеки, казалось, обвисли от удивления, глаза выпучились. Неожиданно он вскочил, перегнулся через доктора Певерейла и ударил ладонью по столу рядом с тарелкой Счастливчика.

– Ни один лакей Совета… – взревел он.

И тут же начал действовать Верзила. Никто не успел увидеть подробностей, потому что Верзила действовал со скоростью жалящей змеи, но рев Зертейла неожиданно прервался.

Из руки Зертейла торчала изогнутая металлическая рукоять силового ножа.

Доктор Певерейл отшатнулся, послышались возгласы, даже Счастливчик казался удивленным.

Раздался жизнерадостный тенор Вер-зилы:

– Расставь пальцы, ты, тюбик нефти! Расставь их и ползи назад, на свое место.

Зертейл несколько мгновений смотрел на маленького мучителя, будто не понимая, потом очень медленно расставил пальцы. Рука его не была повреждена, ни кусочка кожи не было срезано. Силовой нож торчал в жесткой пластиковой поверхности стола, виднелся примерно дюйм светящегося силового поля (это не материя, а тонкое энергетическое поле). Лезвие ножа разрезало стол точно между указательным и средним пальцами руки Зертейла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/azimov_ayzek/lakki-starr-i-bol-shoe-solnce-merkuriya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити